

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

INTERNATIONAL SECURITY

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-1-33-63

Научная статья / Research paper

О.О. Криволапов*

ДИСКУССИИ О РОЛИ СИСТЕМ ПРО ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ СДЕРЖИВАНИИ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ И ИРАНА

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Соединенных Штатов Америки и Канады
Российской академии наук»
121069, Москва, Хлебный пер., 2/3*

Северная Корея и Иран фигурируют во всех выпущенных с конца 1990-х годов официальных документах США, связанных с политикой в сфере противоракетной обороны (ПРО). Угроза со стороны этих двух стран для развернутых в различных регионах мира войск США и их союзников является основным декларируемым стимулом развития программ ПРО театра военных действий (ТВД) вот уже более 20 лет. Всё это время американские политики, военные и эксперты из различных «мозговых центров» и университетов продолжают дискуссии относительно перспектив развития и конкретных архитектур региональных ПРО, степени вовлечения в них союзников США, а также о самой необходимости развертывания данных систем в Северо-Восточной Азии, на Ближнем Востоке и в Европе. В данной статье предпринимается попытка обобщить и проанализировать аргументы как сторонников, так и противников идеи использования ПРО ТВД для регионального сдерживания КНДР и Ирана.

Первая часть статьи посвящена рассмотрению официальных подходов администраций США к данной проблеме. Как отмечает автор, представители администрации Дж. Байдена уже заявили, что в своей политике будут опираться на ряд целей и приоритетов, сформулированных при его предшественнике Д. Трампе. В первую очередь это касается восприятия ПРО ТВД как эффективного средства регионального сдерживания КНДР и Ирана.

* Криволапов Олег Олегович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института США и Канады РАН (e-mail: o.krivolapov@iskran.ru).

Вторая часть статьи содержит обзор основных подходов и оценок роли региональной ПРО в сдерживании Пхеньяна и Тегерана, которые являются предметом дискуссий в американском экспертном сообществе. Выделены две основные группы экспертов. Представители первой развивают взгляды администрации США относительно пользы ПРО ТВД для региональной стабильности. Их оппоненты утверждают, что региональная ПРО, не внося существенного вклада в защиту войск и союзников США, способна значительно дестабилизировать обстановку в регионе своего развертывания.

В третьей части статьи дан критический анализ представленных взглядов. Показано, что аргументы и сторонников, и критиков региональной ПРО не доработаны с точки зрения теории и зачастую отличаются однобокостью. Как следствие, многие ключевые вопросы, связанные со сдерживанием КНДР и Ирана с помощью ПРО ТВД и ее влиянием на региональную безопасность, остаются неисследованными. Всё это говорит о необходимости более подробного изучения данного вопроса, особенно с учетом сохраняющейся напряженности в отношениях между США и их союзниками, с одной стороны, и указанными государствами — с другой.

Ключевые слова: региональная ПРО, ПРО театра военных действий, Обзор политики США в сфере ПРО, Северная Корея, Иран, Израиль, международная безопасность, региональное сдерживание, ядерное оружие, негосударственные субъекты

Для цитирования: Криволапов О.О. Дискуссии о роли систем ПРО театра военных действий в региональном сдерживании Северной Кореи и Ирана // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 1. С. 33–63. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-1-33-63.

Oleg O. Krivolapov

**DEBATES ON THE ROLE
OF THE U.S. THEATER MISSILE DEFENSE
IN THE REGIONAL DETERRENCE
OF NORTH KOREA AND IRAN**

*Institute for the US and Canadian Studies,
Russian Academy of Sciences
2/3 Khlebnii Pereulok, Moscow, Russia, 121069*

North Korea and Iran have been featured in all official U.S. missile defense policy documents since the late 1990s. The threat posed by two countries to the

United States and their allies' armed forces deployed in various regions has been the main incentive for the development of regional missile defense (theater missile defense) programs for more than 20 years. All this time, there has been an ongoing debate among American politicians, strategists, and academic experts on the prospects and specifics of the regional missile defense architectures, levels of U.S. allies' participation in their development, as well as the very need to deploy these systems in North-East Asia, the Middle East, and Europe. The paper attempts to summarize and analyze the arguments of both the proponents and opponents of the idea to use the regional missile defense systems in the regional deterrence of North Korea and Iran.

The first section examines approaches of different U.S. administrations to this issue. The author emphasizes that the Biden administration officials have already confirmed most of the basic postulates formulated by the Trump administration on the matter. According to them, the high efficiency of regional missile defense facilitates regional deterrence of the DPRK and Iran.

The second section examines debates in the U.S. expert community. The author identifies two main approaches. The first basically repeats the arguments of the U.S. administration on the benefits of regional missile defense for regional stability. According to the second approach, the regional missile defense may destabilize the situation in the region without enhancing the protection of the U.S. and their allies' armed forces.

The third section provides a critical analysis of the debate. The author concludes that the arguments and assessments of both the opponents and proponents of the deterrence of the DPRK and Iran by means of regional missile defense are theoretically ill-founded and often one-sided. Subsequently, many crucial issues related to the use of missile defense systems and their potential impact on the regional security remain understudied. All this suggests that there is a need for a more detailed study of this issue, particularly given increasing regional tensions.

Keywords: regional missile defense, theater missile defense, Missile Defense Review, North Korea, Iran, Israel, international security, regional deterrence, nuclear weapons, non-state actors

About the author: Oleg O. Krivolapov — PhD (Political Science), Senior Research Fellow at the Institute for the US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: o.krivolapov@iskran.ru).

For citation: Krivolapov O.O. 2022. Debates on the role of the U.S. theater missile defense in the regional deterrence of North Korea and Iran. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 1, pp. 33–63. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-1-33-63. (In Russ.)

Проблема противоракетной обороны (ПРО) является одним из элементов более широкой проблематики международной безопасности. В основном она рассматривается в рамках темы стратегической стабильности в отношениях между Россией и США. Однако соревнование «меча и щита» происходит не только на стратегическом, но и на региональном уровне. Развитие американских систем ПРО театра военных действий (ТВД) в 1990-е годы обосновывалось оценками угрозы, исходящей от ракет малой и средней дальности (РСМД) КНДР, Ирана и Ирака. Тогда же администрация США начала обдумывать развертывание национальной ПРО¹. Выход из Договора по ограничению систем ПРО в 2002 г. был одним из первых шагов США на пути построения эшелонированной интегрированной ПРО, предназначенной для защиты страны от баллистических ракет любой дальности на любом участке их траектории.

Сторонники контроля над вооружениями в США, Европе и России критиковали выход Вашингтона из договора, указывая на то, что это заставит РФ и КНР наращивать их стратегические ядерные силы, чтобы гарантированно обеспечить ответный ракетно-ядерный удар в случае первого удара со стороны США. Американская администрация с тех пор постоянно утверждала, что все системы ПРО США направлены на защиту не от России или Китая, а от Северной Кореи и Ирана. Москва и Пекин обоснованно указывали на то, что неограниченное развитие НПРО США способно в перспективе подорвать стратегическую стабильность.

С 2010 г. Соединенные Штаты обращают особое внимание на развитие систем ПРО ТВД. За прошедшее с тех пор время значение региональных систем в составе общей политики США в сфере ПРО укрепилось. Вашингтон совместно со своими союзниками развернул такие системы в Европе, Северо-Восточной Азии и на Ближнем

¹ В 2002 г. в США было упразднено деление между национальной ПРО (*national missile defense*) и ПРО театра военных действий (*theater missile defense*). Однако с 2010 г. и по настоящее время в США используются такие термины, как «региональная ПРО» (*regional missile defense*) и «ПРО территории страны» (*homeland missile defense*). В данной статье региональная ПРО (ПРО театра военных действий, ПРО ТВД, нестратегическая ПРО) ассоциируется с защитой от ракет с дальностью от 500 до 5500 км (ракеты малой и средней дальности). Также согласно принятой в НАТО классификации ракетами промежуточной дальности называются ракеты с дальностью 3000–5500 км. Национальная ПРО (НПРО, стратегическая ПРО) в основном ассоциируется с защитой от ракет с дальностью более 5500 км (межконтинентальные баллистические ракеты).

Востоке. Эти действия в какой-то степени можно рассматривать как один из способов наращивания военного присутствия США в различных регионах мира с опорой на их союзников. Системы региональной ПРО интегрированы с НПРО США через «Систему командования, контроля, боевого управления и связи» (Command, Control, Battle Management, and Communications System, C2BMC), где данные с радиолокационных станций (в том числе региональных систем ПРО войск США, а в теории — и их союзников) должны помочь в перехвате межконтинентальных баллистических ракет (МБР), запущенных из этих регионов в направлении Соединенных Штатов. Но важно изучать не только НПРО США и ее связи с региональными сегментами, а еще и реальное влияние ПРО ТВД на стабильность в соответствующих регионах.

Администрация Дж. Байдена вслед за администрацией Д. Трампа продолжила утверждать, что региональная ПРО должна помогать в сдерживании определенных государств от агрессивных действий. Речь идет о региональном сдерживании Северной Кореи, Ирана, Китая и России. Относительно дискуссий о роли ПРО ТВД в региональном сдерживании таких ядерных держав, как КНР и РФ, автор высказывался ранее [Криволапов, 2021]. В данной статье речь пойдет о роли ПРО ТВД в региональном сдерживании только КНДР и Ирана.

Цель статьи — анализ нынешней официальной позиции США и основных мнений в американском экспертном сообществе на современном этапе по поводу роли, которую могли бы играть региональные архитектуры ПРО, созданные Соединенными Штатами совместно с их региональными союзниками, в сдерживании КНДР и Ирана. Что касается описания состава самих региональных архитектур ПРО, то оно было дано автором ранее [Криволапов, 2020]. Вне рамок данной статьи находятся дискуссии между РФ и США о влиянии НПРО на стратегическую стабильность, обсуждения технической способности НПРО США защитить их территорию от северокорейских МБР, а также политика Вашингтона в сфере национальной ПРО. Речь пойдет только о защите войск США и их союзников в Северо-Восточной Азии и на Ближнем Востоке. Стабильность в этих регионах важна для России, так как происходящее там способно напрямую повлиять на безопасность, во-первых, российского Дальнего Востока и, во-вторых, подразделений Вооруженных Сил РФ, размещенных в Сирии.

Проблеме ПРО посвящено множество трудов отечественных и зарубежных специалистов. Российские исследователи [Есин, 2015a, 2015b, 2017; Золотарёв, 2019; Десять лет без Договора по ПРО, 2012; Рогов и др., 2013; Российско-американское сотрудничество и противоборство, 2017; Арбатов, 2019; Дворкин, 2019; Противоракетная оборона, 2012; Кокошин, 2015; Баклицкий, 2021; Stefanovich, 2021; Buzhinskiy, 2021] в основном рассматривают ПРО сквозь призму стратегических отношений РФ и США и вопросов контроля над вооружениями. Региональная ПРО, хотя и не без оснований, оценивается лишь как компонент национальной ПРО США. Заявления Вашингтона о том, что эти комплексы направлены в первую очередь на КНДР и Иран, не получают особого внимания со стороны российских специалистов. Соответственно тему влияния ПРО ТВД на региональную безопасность Северо-Восточной Азии и Ближнего Востока изучали лишь немногие отечественные эксперты [Дворкин, 2019].

В США продолжают дискуссии по вопросам ПРО. Сторонники развития ее региональных комплексов (например, представители Центра стратегических и международных исследований² [Cha, 2017; Cordesman, 2020; Roberts, 2015], Фонда «Наследие» [Phillips, 2019], «Фонда защиты демократий»³ и других центров) стараются обосновать стабилизирующую роль ПРО ТВД в различных регионах мира. В этом плане указанные эксперты поддерживают в данных дискуссиях подход администрации США. Им заочно противостоят критики ПРО (например, представители Центра по контролю над вооружениями и нераспространению⁴, Фонда «Плаушерс» [Erasto,

² Williams I. How drone attacks reveal fixable flaws with American air defenses // The Hill. 24.09.2019. Available at: <https://thehill.com/opinion/national-security/462661-how-drone-attacks-reveal-fixable-flaws-with-american-air-defenses> (accessed: 01.09.2021).

³ Taleblu B. Iran is increasingly using missiles in its military operations — that's a problem // The Hill. 21.01.2020. Available at: <https://thehill.com/opinion/international/479076-iran-is-increasingly-using-missiles-in-its-military-operations-thats-a> (accessed: 01.09.2021).

⁴ General Gard Statement to Canadian Senate Standing Committee on National Security and Defence. Center for Arms Control & Non-Proliferation. 14.05.2014. Available at: http://armscontrolcenter.org/issues/missiledefense/gard_md_senate_defence/ (accessed: 31.09.2021); Coyle P, McKeon J. A false sense of security // U.S. News & World Report. 27.04.2017; Holms D. Congress is not asking the right questions about missile defense // Bulletin of the Atomic Scientists. 25.06.2019. Available at: <https://thebulletin.org/2019/06/congress-is-not-asking-the-right-questions-about-missile-defense/> (accessed: 31.09.2021).

2017], «Фонда Карнеги за международный мир»⁵ [Panda, 2021] и других центров). Они акцентируют внимание на дестабилизирующей роли ПРО в обоих рассматриваемых регионах. Подробнее об их взглядах будет сказано отдельно.

Одним из основных понятий, используемых в данной статье, является понятие «сдерживание». Первый из двух подходов к его определению — это «сдерживание через наказание» (*deterrence by punishment*), классическим примером которого является концепция взаимного гарантированного уничтожения как основы стратегической стабильности в отношениях между США и РФ. Второй подход — «сдерживание через препятствование» (*deterrence by denial*), под которым понимается создание военных возможностей для предотвращения успеха потенциальной агрессии [Mazarr et al., 2018: 7–8]. Понятие «региональное сдерживание» связывает действия по сдерживанию с конкретным регионом мира. Например, это могут быть действия одной из сторон, направленные на препятствование изменению имеющегося регионального баланса сил. Соответственно эти действия могут представлять собой наращивание наступательных вооружений как часть «сдерживания через наказание» либо оборонительных как часть «сдерживания через препятствование» [Криволапов, 2021: 63].

Официальные подходы администрации США

Подробный анализ эволюции политики США в сфере ПРО с конца 1990-х годов выходит за рамки данной статьи, но для решения указанных ограниченных задач всё же необходимо обозначить основные вехи развития подходов Вашингтона к ПРО ТВД.

Во время операции «Буря в пустыне» (1991) подразделения войск США подверглись атаке иракских баллистических ракет малой дальности (БРМД). Имевшиеся в тот момент у американцев системы ПВО/ПРО показали низкую эффективность. В 1990-е годы, с окончанием холодной войны, США практически заморозили развитие НПРО и сосредоточились на системах ПРО ТВД. В доктринальном плане речь уже шла о защите войск США и их союзников в различных регионах мира. С 2001 г. Вашингтон вернул акцент на на-

⁵ Panda A. A new U.S. missile defense test may have increased the risk of nuclear war // Carnegie Endowment for International Peace. 19.11.2020. Available at: <https://carnegieendowment.org/2020/11/19/new-u.s.-missile-defense-test-may-have-increased-risk-of-nuclear-war-pub-83292> (accessed: 31.09.2021).

циональную ПРО. Формальное разделение американских систем на НПРО и ПРО ТВД было отменено в 2002 г., но комплексы, способные решать задачи перехвата баллистических ракет только малой, средней и промежуточной дальности, остались. Доктринальные основы ПРО в тот период содержались в «Обзоре ядерной политики» 2001 г. В этом документе говорилось, что ПРО (в частности, американских войск в регионах) «может сбалансировать риски США в региональном противостоянии, укрепляя таким образом надежность гарантий США по сдерживанию атак на их союзников»⁶. Защита сил и средств «повысит возможности США и их союзников контратаковать врага». Любая ПРО «может дать президенту [США. — О.К.] вариант для урегулирования кризиса [управления кризисом (*manage a crisis*). — О.К.]»⁷.

Важным рубежом стала публикация «Обзора политики США в сфере ПРО» 2010 г. (далее — Обзор ПРО-2010)⁸, в котором упор был сделан именно на региональные архитектуры ПРО — в Европе, Северо-Восточной Азии и на Ближнем Востоке, предназначенные для защиты от баллистических ракет с дальностью меньше 5500 км. Европейская ПРО стала первым воплощением данной политики. Развитие ПРО от МБР снова было заморожено. В Национальной военной стратегии 2011 г. появилось новое положение: КНДР и Иран представляют гораздо большую угрозу именно для своих регионов, а не для США⁹. Примерно в это время начала развиваться концепция регионального сдерживания. Так, в Обзоре ПРО-2010 указывалось, что «сдерживание угрозой сильного ответного удара может быть неэффективным для государств во время политико-военного кризиса. Рискующие руководители [этих стран. — О.К.] могут заключить, что способны вовлечь США в конфронтацию, если поднимут ставки достаточно высоко, показав возможность нанесения большего ущерба своими ракетами. Таким образом, американские системы

⁶ Excerpts of Classified Nuclear Posture Review Report submitted to Congress // Federation of American Scientists. 31.12.2001. P. 3. Available at: <https://uploads.fas.org/media/Excerpts-of-Classified-Nuclear-Posture-Review.pdf> (accessed: 01.12.2021).

⁷ Ibidem.

⁸ Ballistic Missile Defense Review Report // The U.S. Department of Defense. February 2010. Available at: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/BMDR/BMDR_as_of_26JAN10_0630_for_web.pdf (accessed: 01.12.2021).

⁹ The National Military Strategy of the United States of America // Joint Chiefs of Staff, 2011. P. 3. Available at: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/2015_National_Military_Strategy.pdf (accessed: 01.12.2021).

ПРО критически важны для регионального сдерживания»¹⁰. В тот момент среди объектов регионального сдерживания кроме КНДР и Ирана впервые был указан Китай.

Доктринальная связь между региональной ПРО и НПРО США наиболее полно раскрывается в «Обзоре политики США в сфере ПРО» 2019 г. (далее — Обзор ПРО-2019) (подробнее об эволюции политики США в сфере ПРО и о сравнительном анализе обоих доктринальных документов см.: [Криволапов, 2020]). Там же представлены современные оценки американской стороной угроз, исходящих от Ирана и Северной Кореи, и той роли, которую могут сыграть системы ПРО в их парировании.

Ситуация на Корейском полуострове в настоящий момент более стабильная, чем была, например, в 2017 г., когда главы Северной Кореи и США угрожали друг другу применением силы. В 2018 г. началась некоторая разрядка в отношениях между Вашингтоном и Сеулом, с одной стороны, и Пхеньяном — с другой. Тем не менее по состоянию на конец 2021 г. переговоры о ядерном разоружении Северной Кореи зашли в тупик. Существует точка зрения, что, скорее всего, КНДР никогда не откажется от своего ядерного оружия и ракет как основного средства его доставки, так как эти вооружения — гарантия безопасности руководства страны¹¹. Это означает, что тема ПРО США применительно к Северной Корее и Северо-Восточной Азии может сохранить свою актуальность в долгосрочной перспективе. Данная региональная ПРО, состоящая из американских, японских и южнокорейских систем (хотя они не формируют единой архитектуры), по мнению Вашингтона, предназначена для того, чтобы сдерживать какие-либо агрессивные действия со стороны КНДР в отношении Южной Кореи, Японии и войск США, развернутых на территории этих стран.

В характеристике региональной ракетной угрозы со стороны КНДР в Обзоре ПРО-2019 не только перечислялись все ее разра-

¹⁰ Ballistic Missile Defense Review Report... Р. 6–7.

¹¹ Асмолов К.В. Нет перспективы денуклеаризации КНДР // Российский совет по международным делам. 20.04.2021. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/net-perspektivy-denuklearizatsii-kndr/> (дата обращения: 01.09.2021); Ланьков А.Н. Чего хочет Северная Корея от Южной Кореи? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 17.06.2020. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/chego-khochet-severnaya-koreya-ot-yuzhnoy-korei/> (дата обращения: 01.09.2021).

ботанные и стоящие на вооружении ракетные системы, но и отмечались такие черты, как (1) увеличение числа этих ракет, включая размещенные на грунтовых подвижных комплексах и на подводных лодках; (2) способность северокорейских ракет промежуточной дальности поразить цели на о. Гуам, являющемся американской территорией, где есть ключевые военные базы США в регионе; (3) возможность применения этих ракет для доставки ядерного оружия в случае конфликта в Азии¹².

Региональная ракетная угроза со стороны Ирана, по мнению авторов Обзора ПРО-2019, развивается количественно и качественно. В частности, утверждалось, что (1) повышаются точность и эффективность иранских баллистических ракет малой и средней дальности; (2) в распоряжении Ирана находятся баллистические и крылатые ракеты с дальностью 2000 км, что позволяет ему угрожать объектам в Юго-Восточной Европе; (3) некоторые иранские БРМД успешно испытаны в качестве противокорабельных и могут поражать суда в Персидском заливе и Ормузском проливе; (4) Тегеран использует террористические группы, чтобы угрожать интересам США и их союзников на Ближнем Востоке¹³.

Декларируемая Соединенными Штатами цель создания региональной архитектуры ПРО на Ближнем Востоке состоит в сдерживании ракетной атаки со стороны Ирана. Официально с этой же целью Вашингтон связывает и развертывание региональной ПРО в Европе. Глава Центрального командования США генерал К. Маккензи заявлял, что в ракетном арсенале Ирана есть около 3000 РСМД, а также крылатые ракеты и беспилотные летательные аппараты (БПЛА)¹⁴. Администрация США считает, что Тегеран мог бы угрожать этими ракетами не только европейским странам, но также своим региональным оппонентам (Израилю и Саудовской Аравии) и размещенным в Европе и на Ближнем Востоке американским войскам, тем самым создавая условия для дальнейшего

¹² 2019 Missile Defense Review // Office of the Secretary of Defense. P. 15–16. Available at: https://www.defense.gov/Portals/1/Interactive/2018/11-2019-Missile-Defense-Review/The%202019%20MDR_Executive%20Summary.pdf (accessed: 01.09.2021).

¹³ Ibid. P. 17.

¹⁴ Posture Statement of General Kenneth F. McKenzie, Jr., Commander, U.S. Central Command, before the Senate Armed Services Committee // U.S. Senate Committee on Armed Services. 22.04.2021. P. 5. Available at: <https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/McKenzie%20Testimony%2004.22.211.pdf> (accessed: 01.09.2021).

проведения своей политики в Ближневосточном регионе. В связи с этим Соединенные Штаты заявляют, что необходимо совместно с союзниками развивать архитектуру ПРО, которая поможет сдерживать Иран, точнее, лишить его возможности использовать ракеты как средство принуждения.

Авторы Обзора ПРО-2019 утверждают, что ракеты малой, средней и промежуточной дальности «помогают [противникам США. — О.К.] в обеспечении принуждения» (*coercive*) и дают «политические и военные преимущества в региональном кризисе или конфликте»¹⁵. В этой связи противоракетные системы (в частности, региональная ПРО) должны выполнять несколько функций.

1. Непосредственно защищать войска США и их союзников. Утверждалось, что «если потенциальные противники просчитаются и сдерживание не удастся, то ПРО сократит число ракет противника, которые поразят свои цели»¹⁶.

2. Вносить «вклад в “гибкие” [*tailored*] варианты сдерживания атак» и в «расширенное сдерживание атак на войска США, их союзников и партнеров». Авторы документа считают, что ПРО дает дополнительное время и дополнительные варианты кроме применения наступательных вооружений в рамках ответа на агрессию, «помогая США отвечать на нее и стабилизировать кризисы и конфликты»¹⁷. Под «расширенным сдерживанием» обычно понимаются гарантии США их союзникам относительно применения ядерного оружия в случае агрессии против них¹⁸.

3. Укреплять уверенность союзников в выполнении Вашингтоном своих обязательств посредством «противодействия стратегии противника по запугиванию США, их союзников и партнеров».

4. Подкреплять дипломатические усилия Соединенных Штатов в мирное и в кризисное время. В качестве примера отмечалось: «ПРО позволила США пойти на переговоры с Северной Кореей с уверенностью, что ПРО США поможет сдерживать агрессию, защитить в случае конфликта и <...> невыполнения потенциального соглашения»¹⁹.

¹⁵ 2019 Missile Defense Review. P. 15.

¹⁶ Ibid. P. 26.

¹⁷ Ibid. P. 27.

¹⁸ Nuclear Posture Review // Office of the Secretary of Defense. February 2018. P. 22–23. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (accessed: 01.09.2021).

¹⁹ 2019 Missile Defense Review. P. 28.

5. Обеспечивать проведение региональных и трансрегиональных военных операций. Имеется в виду сохранение свободы действий американских военных контингентов через ограничение возможности противника помешать региональным операциям посредством ракетных атак на передовые развернутые войска США и их союзников или на важную инфраструктуру в регионе²⁰.

Практически все эти пункты были так или иначе указаны в Обзоре ПРО-2010, в том числе связь ПРО с «расширенным сдерживанием». Главным новшеством Обзора ПРО-2019 стало положение о мерах «до пуска» (*left of launch*), относящихся как к региональной ПРО, так и, в некоторых случаях, к НПРО²¹. О возможности применения мер «до пуска» против КНДР и Ирана упоминалось и в Национальной оборонной стратегии 2018 г.²² В частности, речь шла об использовании высокоточных наступательных вооружений для поражения пусковых установок и ракет в целях препятствования их пуску. Кроме того, о мерах «до пуска» в отношении этих стран говорилось в «Обзоре ядерной политики» 2018 г.²³

Представители администрации Дж. Байдена заявили о подготовке нового «Обзора политики США в сфере ПРО». Подход нынешнего руководства США к этой теме пока только формируется, но помощник замминистра обороны США по ядерной политике и политике в сфере ПРО Л. Томеро на слушаниях в Конгрессе подтвердила сохранение 1-го, 3-го и 5-го вышеприведенных приоритетов в ПРО, в частности региональной²⁴.

В анализе официального подхода Вашингтона к сдерживанию с помощью ПРО важно принимать во внимание, что американские военные продолжают подчеркивать роль союзников в поддержании эффективности региональных архитектур ПРО. Глава Космического и противоракетного командования Армии США генерал Д. Карблер

²⁰ Ibid. P. 29–30.

²¹ Ibid. P. 32–33, 35, 60, 63.

²² Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America // The U.S. Department of Defense. P. 6. Available at: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed: 01.09.2021).

²³ Nuclear Posture Review. P. 33, 34.

²⁴ Statement of Ms. Leonor Tomero Deputy Assistant Secretary of Defense for Nuclear and Missile Defense Policy before the Senate Armed Services Committee on Missile Defense // U.S. Senate Committee on Armed Services. 09.06.2021. P. 3–4. Available at: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/5-12-21%20DASD%20Tomero%20Written%20Statement_Final1.pdf (accessed: 01.09.2021).

заявлял, что «так как США никогда не будут иметь достаточно средств, интеграция союзников в общую, обеспечивающую взаимную поддержку архитектуру ПРО является критически важным приоритетом»²⁵.

Подходы различных групп экспертов в США

Критики и сторонники наращивания ПРО в экспертном сообществе сходятся в том, что руководители КНДР и Ирана не настолько безумны, чтобы применять ракетное или ядерное оружие против США и их союзников, так как это приведет к массированному ответному удару и уничтожению режимов в этих странах. Такой исход неприемлем для иранских и северокорейских руководителей, заинтересованных в своем выживании²⁶ [Cha, 2017: 3]. Однако критики ПРО утверждают, что если потенциальные противники Соединенных Штатов (КНДР и Иран) всё же решатся атаковать войска США и их союзников, то это будут не одиночные пуски ракет, а множественные. Относительно же массированного ракетного удара со стороны КНДР и Ирана в соответствующих регионах значительная часть экспертов считают, что региональных систем ПРО США и их союзников не хватит, чтобы его отразить²⁷ [Erasto, 2017: 2]. Соответственно делается вывод, что эти системы не вносят серьезного вклада в сдерживание Северной Кореи и Ирана. Вдобавок эти эксперты напоминают, что противоракеты гораздо дороже, чем наступательные ракеты, поэтому противникам США будет экономически выгоднее просто сделать больше ракет, чтобы преодолеть американские системы ПРО²⁸.

При этом, как отмечают эксперты-критики, КНДР и Иран считают свои наступательные вооружения жизненно необходимыми для

²⁵ Statement by Lieutenant General Daniel L. Karbler, Commanding General, USASMD and JFCC-IMD before the Senate Armed Services Committee, FY 2022 Authorization Request for Missile Defense // U.S. Senate Committee on Armed Services. 09.06.2021. P. 25. Available at: <https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Karbler%20Written%20Statement%20to%20SASC%206-091.pdf> (accessed: 01.09.2021).

²⁶ General Gard Statement to Canadian Senate Standing Committee on National Security and Defence...

²⁷ Coyle P. US builds missile defense system for South Korea, causing more tension // The Hill. 18.03.2017. Available at: <https://thehill.com/blogs/pundits-blog/foreign-policy/324610-us-builds-missile-defense-system-for-south-korea-but-just> (accessed: 01.09.2021); Holms D. Op. cit.

²⁸ Holms D. Op. cit.

обеспечения своей безопасности, а значит, примут любые меры для поддержания данного потенциала. Стремление США подорвать его приведет к ситуации, когда сторонам не останется ничего иного, кроме как искать новый, чрезвычайно дестабилизирующий способ гарантировать свой ответный потенциал.

Кроме того, эксперты-критики утверждают, что при наличии региональной ПРО у Вашингтона будет больше возможностей для ведения агрессивной политики в регионе. Ложная убежденность США в эффективности ПРО, в частности региональной, может повысить риски военного столкновения²⁹.

С точки зрения сторонников ПРО, величина арсенала РСМД у КНДР и Ирана, а также возможность его наращивания для гарантированного преодоления региональной ПРО не имеют большого значения. Аналитики из этой группы считают, что (1) Пхеньян и Тегеран будут придерживаться стратегии «малого ракетного шантажа» (*cheap shot*) и не решатся на «повышение ставок» и угрозу большой войны; (2) они не будут проводить множественные пуски ракет, потому что захотят сохранить свой ракетный арсенал, чтобы «управлять» эскалацией [Roberts, 2015: 252, 255]. Соответственно, по мнению этой группы экспертов, ПРО ТВД в условиях регионального кризиса убедит эти страны в том, что у них есть возможность использовать какие-либо слабые стороны войск США и их союзников в регионе.

Отвечая на аргумент о возможности количественного наращивания КНДР и Ираном своего ракетного арсенала и в связи с этим — сокращения эффективности ПРО ТВД как средства сдерживания, сторонники ПРО признают, что непроницаемая оборона неосуществима. Они поясняют, что основной смысл ПРО — в том, чтобы создать достаточно сомнений у противника относительно целесообразности нанесения удара. Эти эксперты повторяют аргумент администрации США о том, что наличие ПРО мотивирует противников искать дипломатические решения и дает Вашингтону больше вариантов ответа на их действия помимо наступательных операций. В качестве доказательства такой пользы ПРО для политиков, принимающих решения, приводится обычно успех Израиля в создании и применении противоракетных систем³⁰.

²⁹ Coyle P., McKeon J. Op. cit.

³⁰ America's missile strategy: Countering and defending against threats from Iran and North Korea, conversation at the Foundation for Defense of Democracies. 15.03.2019. P. 5.

Некоторые эксперты обращают внимание на различия между региональным сдерживанием КНДР и Ирана. В отличие от последнего, у Северной Кореи есть ядерный арсенал и были проведены ядерные испытания. По данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира, в распоряжении Пхеньяна есть примерно от 40 до 50 ядерных боезарядов³¹. Н. Аоки (Мэрилендский центр международных исследований и исследований по безопасности) обращает внимание на то, что КНДР воспринимает ПРО США как угрозу, и это не разубеждает Пхеньян наращивать ракетный арсенал, а, наоборот, мотивирует создавать больше ракетных комплексов [Aoki, 2017: 4–5]. А. Панда (Фонд Карнеги за международный мир) указывает на особенности качественного развития конструкции новых северокорейских БРМД, призванных повысить их эффективность против систем региональной ПРО. В частности, речь идет о возможности изменения баллистической траектории полета этих ракет таким образом, чтобы они проходили между зонами действия систем Patriot, отвечающих за перехват на низких высотах, и систем THAAD, нацеленных на перехват на границе атмосферы [Panda, 2021: 15].

В то же время некоторые эксперты считают, что именно надежная ПРО, защищающая от ракет КНДР, могла бы помочь урегулированию противоречий на Корейском полуострове. При этом нынешняя ПРО, которую эти же эксперты рассматривают как ненадежную, не может быть фактором, способствующим дипломатическому решению противоречий [Garwin, Postol, 2018; Goodby, Postol, 2018].

Сторонники ПРО соглашаются с тем, что Пхеньяну невыгодно применять ядерное оружие против США и их союзников. Именно поэтому, считают они, КНДР пойдет по пути ракетно-ядерного шантажа. Например, «захочет посредством серии провокаций и угроз вынудить США изменить свои стратегические расчеты так, чтобы Вашингтон согласился с политическим урегулированием на Корейском полуострове на условиях, соответствующих интересам режима в Северной Корее» [Roberts, 2015: 243]. Как считают эти эксперты, в рамках подобных провокаций Пхеньян мог бы пригрозить ракетно-ядерным ударом, чтобы добиться своих политических це-

Available at: https://www.fdd.org/wp-content/uploads/2019/03/Transcript_Americas_Missile_Strategy_March2019.pdf (accessed: 28.09.2021).

³¹ Summary // SIPRI Yearbook 2021. Armaments, disarmament and international security. P. 16.

лей. Аналитики полагают, что в целях шантажа или для завершения кризиса на своих условиях Пхеньян может осуществить одиночный ракетный пуск для демонстрационного ограниченного ядерного удара, не приводящего к потерям у США и их союзников [Roberts, 2015: 247].

Относительно Ирана сторонники развития региональной ПРО, например Д. Айнхорн и В. ван Дипен (Брукингский институт), продолжают утверждать, что такие комплексы, даже будучи дорогостоящими, технически несовершенными, недостаточными по количеству, тем не менее могут защитить от ограниченных ракетных атак со стороны Ирана или хотя бы осложнить планирование данных нападений иранскими военными [Einhorn, van Diepen, 2019: 4].

Сторонники ПРО отмечают две специфические черты ракетной угрозы со стороны Исламской Республики. Во-первых, связь между Тегераном и группировкой «Хизбалла» в Ливане, а также повстанцами-хуситами в Йемене (движение «Ансар Аллах»). Конечно, специфика и пределы их взаимодействия заслуживают отдельного исследования вне рамок данной статьи, но в оценке эффективности ПРО как части политики сдерживания необходимо учитывать этот факт. Так, в сентябре 2019 г. была осуществлена атака с помощью крылатых ракет и БПЛА на объекты нефтяной инфраструктуры Саудовской Аравии. Ответственность взяли на себя йеменские хуситы. США и их союзники считают, что нападение было инициировано и осуществлено Тегераном. Сторонники наращивания ПРО отметили, что имевшиеся у Саудовской Аравии системы ПВО/ПРО и радары не были способны отразить атаку крылатых ракет и «беспилотников», летевших на низкой высоте и с неожиданного направления. Делался вывод о необходимости развития архитектуры ПВО/ПРО в регионе, а также стратегии ПВО/ПРО Армии США с учетом данного опыта³².

Вторая специфическая черта иранской ракетной угрозы — способность Тегерана произвести демонстрационный ракетный удар по военным объектам США, которые не защищены системами ПРО. Подобная ситуация произошла после уничтожения одной из ключевых фигур иранского военно-политического руководства, генерала К. Сулеймани, в Багдаде в январе 2020 г. По мнению Б. Таллебу («Фонд защиты демократий»), последовавший в ответ ракетный удар Ирана по базам США в Ираке заставляет пересмотреть

³² Williams I. Op. cit.

оценки рисков, на которые иранское руководство готово пойти в случае кризиса, а также роль ракетного арсенала Ирана и порог его применения. Тем не менее Б. Талеблу считает, что и в этих условиях фактор региональной ПРО может осложнить Тегерану планирование ракетных ударов во время кризиса³³.

Эксперты — критики ПРО, например Дж. Льюис (Центр Джеймса Мартина по исследованиям в сфере нераспространения), говорят о сложности защиты даже от одиночных БРМД. В доказательство они приводят опыт Саудовской Аравии. Возглавляемая ею коалиция арабских стран, противостоящая повстанцам-хуситам в Йемене, вынуждена периодически отражать атаки одиночных БРМД на свои войска и объекты с помощью систем Patriot. В более чем половине случаев удается перехватить данные ракеты, но эксперты указывают на ненадежность этих противоракетных комплексов даже в условиях отсутствия средств преодоления ПРО у ракет повстанцев³⁴. Таким образом, поддерживается тезис о том, что системы Patriot не могут восприниматься Ираном как эффективные. Соответственно их роль в сдерживании ракетной атаки Исламской Республики с помощью БРМД остается под сомнением.

Примечательно, что в случае с Израилем эксперты обеих групп соглашались с тем, что, несмотря на серьезные технологические и военные успехи израильских систем ПРО, эти комплексы не защитят от массовой атаки тактическими ракетами и ракетами малой дальности, имеющимися у «Хизбаллы» и Ирана, поэтому основной акцент в рамках сдерживания предлагается делать на угрозу серьезного ответного удара Израиля [Phillips, 2019: 5].

Анализ дискуссий

Относительно приведенных положений Обзора ПРО-2019 и высказываний чиновников администрации США на данную тему можно сказать, что они основаны прежде всего на убежденности в эффективности систем региональной ПРО. В то же время для успеха сдерживания ракетной атаки нужно, чтобы кроме американских военных еще и северокорейское и иранское военно-политическое руководство воспринимало эти системы как эффективные. Адми-

³³ Taleblu B. Op. cit.

³⁴ Lewis J. Patriot missiles are made in America and fail everywhere // Foreign Policy. 28.03.2018. Available at: <https://foreignpolicy.com/2018/03/28/patriot-missiles-are-made-in-america-and-fail-everywhere/> (accessed: 01.09.2021).

нистрация США и сторонники ПРО не принимают во внимание и не комментируют возможность восприятия региональной ПРО потенциальными противниками США как неэффективной. К тому же эффективность этих систем в условиях реального боя с участием различных средств преодоления ПРО (например, ложных боеголовок) действительно остается предметом дискуссий³⁵.

С учетом аргументации сторонников и критиков региональной ПРО возникает два вопроса: во-первых, мешает ли ПРО ТВД тому самому ракетному шантажу со стороны КНДР и Ирана, о котором говорят эксперты первой группы; во-вторых, опасаются ли Пхеньян и Тегеран региональных систем ПРО в контексте защиты своей страны от агрессии извне?

Ответ на первый вопрос был ясно сформулирован критиками ПРО, когда было сказано, что КНДР и Ирану достаточно продолжать дальше наращивать арсенал ракет, чтобы осуществлять шантаж своих соседей. Сторонники ПРО не отрицают этого, но говорят, что величина арсеналов не имеет решающего значения, так как КНДР и Иран всё равно не применяют эти ракеты. Именно в связи с перспективой применения этих ракет был сформулирован второй вопрос, ответ на который дать гораздо сложнее.

Эксперты — сторонники ПРО не учитывают, что в случае наращивания сил и средств США и их союзников, с одной стороны, и КНДР или Ирана — с другой в регионе возрастает риск инцидентов с участием войск всех этих стран. При этом даже в самом Обзоре ПРО-2019 не исключалась возможность просчета со стороны Пхеньяна или Тегерана относительно намерений США и их союзников и, как следствие, принятия решения о ракетном ударе по американским и союзным им силам в регионе³⁶.

Если КНДР и Иран в подобных обстоятельствах посчитают, что удар от США неизбежен, то у них, скорее всего, будут следующие варианты действий:

- 1) нанести демонстрационный ракетный (в случае с КНДР — ракетно-ядерный) удар, не приводящий к потерям США и их союзников, как считают сторонники ПРО;

- 2) задействовать все имеющиеся наступательные средства, в том числе ракетные вооружения, возможно, в ядерном оснащении, из-

³⁵ Panda A. Op. cit.

³⁶ 2019 Missile Defense Review. P. 26.

за страха утратить возможность применить какую-то часть своих средств вследствие упреждающего удара со стороны США и их союзников по уже разведанным ими целям, как считают критики ПРО;

3) воздержаться от удара перед лицом неминуемого, с их же точки зрения, нападения, отложив решение на период после удара США.

Разберем все эти варианты, начиная с последнего.

1. *Отсутствие первого удара со стороны КНДР и Ирана.* Сторонники ПРО никак не разбирают этот вариант. В то же время, следуя логике критиков ПРО, можно заключить, что КНДР и Иран решат никак не отвечать на наращивание американских войск и противоракетных систем в регионе в условиях напряженной обстановки гипотетического кризиса только в том случае, если будут абсолютно уверены, что США и их союзники не обладают достаточными данными о расположении северокорейских и иранских ракетных комплексов, чтобы вывести из строя значительную их часть.

2. *Множественные пуски.* Критики ПРО, заявляя о большом значении наступательных средств для КНДР и Ирана, не рассматривают ситуации, когда военные этих стран убеждены в том, что США и их союзники не сумеют вывести из строя ракетные комплексы, а также уверены в способностях своих РСМД преодолеть региональную ПРО. Именно такая уверенность Пхеньяна и Тегерана в маскировке их ракетных комплексов и в преодолении ПРО ТВД имеющимися средствами могла бы снизить вероятность, во-первых, наращивания ими арсенала, а во-вторых, эскалации со стороны КНДР и Ирана для поддержания своего преимущества в регионе.

Сторонники ПРО не рассматривают второй вариант, поскольку считают, что КНДР и Иран не решатся на большую войну. Данная группа экспертов не изучает ситуации, когда в условиях военно-политического кризиса, даже если он изначально спровоцирован Пхеньяном или Тегераном, эти страны начинают исходить из того, что США хотят лишить их преимущества огромного арсенала.

В поддержку критиков ПРО можно заметить, что КНДР и Иран в теории могут опасаться сценария, при котором США и их союзники нанесут удары по известным им местам базирования ракетных комплексов в Северной Корее и Иране, а системы ПРО ТВД перехватят значительную часть оставшихся ракет, если они будут запущены. Упомянутые ранее меры «до пуска» как часть стратегии ПРО в отношении ракет КНДР и Ирана могут привести именно к такому

развитию событий. Примечательно, что данный сценарий не был детально рассмотрен экспертами ни одной из групп.

Учитывая приведенные оценки размера ядерного арсенала КНДР, можно сказать, что большая часть ее ракет не оснащены ядерными боеголовками. При малой величине северокорейского ядерного арсенала вывод из строя даже небольшой его части в результате упреждающего удара войск США может ослабить потенциал ответного удара по американским базам в регионе. Остается неизученным вопрос, будет ли Пхеньян в условиях военно-политического кризиса при решении о применении ракетных вооружений (и ядерных, и неядерных), не зная, о каких именно ракетных комплексах известно военным в США, исходить из худшего сценария и руководствоваться логикой «используй или потеряешь».

Тегеран не обладает ядерным оружием, но его РСМД имеют огромное значение для обеспечения безопасности Ирана, особенно из-за низкого уровня развития военно-воздушных сил страны [Cordesman, 2020]. В настоящий момент неясно, насколько Иран опасается варианта удара по его ракетным силам с последующим применением систем региональной ПРО для перехвата оставшихся ракет в случае их пуска. Незнанию остается и вероятность опрометчивых шагов со стороны Пхеньяна или Тегерана в описанной ситуации.

3. *Одиночный ракетный пуск, не приводящий к жертвам среди войск США и их союзников.* Критики ПРО, по большому счету, не рассматривают данный вариант. С их точки зрения, лидеры КНДР и Ирана будут опасаться производить такой пуск из страха неправильного понимания этого шага и возмездия со стороны США и их союзников. По мнению этой группы экспертов, если Пхеньян и Тегеран решатся на ракетную атаку, то это будут множественные пуски. Аналитики никак не учитывают, во-первых, возможность использования неядерной ракеты, во-вторых, тот факт, что одна или обе стороны сами по себе могут неправильно оценивать кризисную ситуацию как стабильную. Оба эти обстоятельства могли бы повысить вероятность одиночного ракетного пуска [Криволапов, 2021: 74].

Кроме того, в рассмотрении возможности одиночного пуска, о которой говорят сторонники ПРО, необходимо учитывать несколько обстоятельств.

Во-первых, исходя из логики Обзора ПРО-2019, сам факт одиночного ракетного пуска уже будет означать провал сдерживания с участием ПРО.

Во-вторых, успешный перехват будет иметь последствия. В зависимости от конфигурации ПРО американцы и их союзники могут попытаться перехватить эту одиночную ракету, даже если поймут, что она не угрожает их войскам, и тем попытаться разубедить Пхеньян или Тегеран в эффективности шантажа. Но нет гарантий, что успех региональных систем ПРО в этом случае докажет руководству КНДР или Ирана, что массированный ракетно-ядерный удар будет неэффективен в случае необходимости его нанесения. Соответственно ПРО не поможет разубедить Пхеньян или Тегеран, и они вполне могут продолжить оказывать давление с угрозой применения более обширных средств. В свою очередь сторона, которой удалось перехватить одиночную ракету, может подумать, что у нее достаточно средств защиты, а моральный дух оппонента подорван, поэтому можно далее продолжать оказывать давление. Таким образом, ПРО в условиях кризиса создаст иллюзию защищенности и будет дополнительной предпосылкой для опрометчивых шагов от стороны, обладающей средствами ПРО, как это отмечали критики. Ситуация может далее дестабилизироваться.

В-третьих, неудачная попытка перехвата тоже будет иметь последствия. Сторона, которой не удалось обезвредить одиночную ракету, в условиях развивающегося кризиса может утратить веру в возможности своей ПРО как средства сдерживания и начать обдумывать необходимость упреждающего удара. Это станет ясно противостоящей стороне. Может возникнуть ситуация взаимного страха внезапной атаки и вышеописанного опасения Пхеньяна и Тегерана потерять значительную часть своих ракетных комплексов и вооружений в регионе из-за упреждающего удара противника. Подобное может создать стимулы для дальнейшей эскалации либо, в зависимости от обстоятельств кризиса, для атаки на опережение.

Справедливости ради следует признать, что наличие ПРО ТВД действительно может в определенной степени повысить порог начала применения ракетных вооружений и стабилизировать ситуацию, как об этом писал Б. Робертс. Однако экспертами не был дан ответ на вопрос, насколько долговременной будет эта стабилизация, в случае если для гипотетического кризиса или конфликта в регионе уже есть военно-политические предпосылки и причины. И сто-

ронники, и критики ПРО с начала 2000-х годов утверждают, что КНДР и Иран наращивают арсеналы РСМД, чтобы гарантировать собственные преимущества в соответствующих регионах. В таких условиях продолжение расширения региональной ПРО не будет ли стабилизировать ситуацию лишь до тех пор, пока потенциальные противники США не начнут интерпретировать эти действия как подготовку наступления Вашингтоном и его союзниками? Остается неисследованным вопрос, после достижения какой степени развития региональной ПРО Северная Корея и Иран начнут наращивать ракетные арсеналы уже не для «малого ракетного шантажа», а чтобы не допустить потери возможности ответа на давление со стороны США.

Интеграцию противоракетных систем союзников в региональную архитектуру ПРО администрация США и эксперты — сторонники ПРО считают критически важной. Но последствия участия союзников США в региональных архитектурах ПРО как средстве сдерживания КНДР и Ирана также остаются теоретически непроработанными. Проблемы в отношениях между различными союзниками Вашингтона остаются одним из основных препятствий в организации региональных архитектур ПРО. В отличие от Европы, где эти комплексы развернуты в рамках НАТО по принципу «все защищают всех», в Северо-Восточной Азии и на Ближнем Востоке пока доступна только интеграция между американскими и союзными системами ПРО на двусторонней основе, и каждая страна, по большому счету, защищает только сама себя. США считают такую конфигурацию неэффективной. Однако отношения между Сеулом и Токио остаются натянутыми, между Израилем и арабскими монархиями Персидского залива они в последнее время улучшились, но далеки от дружественных. В рамках Совета сотрудничества арабских государств Залива не только интеграция региональных систем ПРО в единую архитектуру, но даже обмен данными с радаров остается серьезной политической проблемой³⁷. Системы ПРО, имеющиеся на вооружении этих союзников США, относятся к тактическим и региональным и имеют ограниченную численность.

Преодоление всех политических разногласий между союзниками США и унификация региональных архитектур ПРО по принципу

³⁷ Capaccio T. U.S. Gulf commander pushes allies in region to share defenses // Bloomberg Quint. 13.08.2020. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-08-13/u-s-gulf-commander-pushes-allies-in-region-to-share-defenses> (accessed: 01.09.2021).

«все защищают всех» повысили бы численность задействованных систем ПРО ТВД. Но остаются неясными два вопроса. Как интеграция систем ПРО союзников США разубедит руководство КНДР и Ирана в эффективности множественных ракетных пусков? Почему Пхеньян и Тегеран не пойдут на наращивание численности своих развернутых РСМД в ответ на усиление такой интеграции?

Основная особенность ракетной угрозы со стороны КНДР — это возможность ядерного оснащения ее ракет. Испытаний американских систем ПРО ТВД против реальной ядерной боеголовки не проводилось. Есть серьезные основания согласиться с российскими исследователями, которые склонны полагать, что при наличии у сторон регионального противостояния ядерного оружия фактор ПРО будет лишь усугублять гонку вооружений, а не стабилизировать регион [Дворкин, 2019: 10]. Если от неядерных ракет региональная ПРО в какой-то степени может защитить, то в противостоянии с ядерными боеголовками неудача перехвата хотя бы одной грозит катастрофическими последствиями [Золотарёв, 2019]. В этой связи вероятная эффективность региональной ПРО в перехвате ядерных ракет может оцениваться в КНДР как еще более низкая. Соответственно роль ПРО ТВД в сдерживании пусков ракет в ядерном оснащении всё еще под вопросом.

Относительно особенностей ситуации на Ближнем Востоке сторонники ПРО справедливо отмечают прогресс Израиля в создании его региональных систем ПРО. Но ведет ли наличие развитой ПРО у Израиля к тому, что с помощью этих систем ему удастся исключить возможность ракетного шантажа со стороны Ирана? Опыт показывает, что Тегеран не оставляет попыток оказать давление на Израиль угрозой применения ракет. Наблюдатели отмечают, что Исламская Республика наращивает поставки ракет ливанской группировке «Хизбалла» и пытается развернуть БРМД на территории Сирии. В обоих случаях действия Ирана приводили к активным ответным шагам вплоть до уничтожения переправляемых по земле ракет ударами ВВС Израиля на территории Ирака [Shaikh, 2019: 2, 4], а также к авиаударам по местам дислокации иранских военных в Сирии³⁸. Таким образом, главную роль в сдерживании Ирана и препятство-

³⁸ Israel launches major air strikes on Iran-linked targets in Syria // Reuters. 13.01.2021. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-syria-attack-israel-idUSKBN29H32S> (accessed: 01.09.2021).

вании ракетному шантажу играет здесь не развитая архитектура ПРО, а скорее операции с участием наступательных вооружений.

Израиль добился серьезных успехов в перехвате с помощью системы ПРО «Железный купол» тактических ракет (дальность менее 500 км) и минометных снарядов, запускаемых по его территории негосударственными субъектами в Палестине (движение «ХАМАС»). Однако при оценке данного факта нужно учитывать целый ряд обстоятельств. Во-первых, сдерживание ракетных атак со стороны негосударственных субъектов отнюдь не то же самое, что сдерживание ракетной атаки со стороны государства, — первое является гораздо более сложной задачей [Vinson, Caldwell, 2016: 121]. Более того, проблему сдерживания ракетных атак от государств, осуществляемых с помощью незаконных вооруженных формирований, американские эксперты почти не исследуют. Во-вторых, перехват тактических ракет проще осуществить, чем перехват РСМД, летящих на большей скорости и, возможно, оснащенных средствами преодоления ПРО. В-третьих, даже эффективность тактической ПРО Израиля и Саудовской Аравии не сдерживает противостоящих им негосударственных субъектов (движения «ХАМАС» и «Ансар Аллах» соответственно) от осуществления новых атак относительно дешевыми ракетами [Williams, Shaikh, 2020]. В-четвертых, создание ПРО Израилем не означает, что он отказался от ответных ударов по объектам противника с помощью своих ВВС³⁹. Продолжение применения Израилем наступательных вооружений в ответ на ракетную атаку означает, что даже в случае достижения сдерживающего эффекта нельзя со всей определенностью считать это следствием именно развертывания ПРО.

Говоря о запуске Ираном ракет со своей территории по американским военным объектам в соседнем Ираке, сторонники ПРО акцентировали внимание на отсутствии противоракетных средств на атакованных базах, что, по их словам, и предопределило выбор цели Тегераном. В то же время глава Объединенного комитета начальников штабов США генерал М. Милли на слушаниях в Конгрессе признавал, что даже если бы на атакованных американских базах присутствовали средства ПРО, то не было гарантий, что эти

³⁹ Israel pounds Gaza to curb Palestinian militants but rockets still fly // Reuters. 14.05.2021. Available at: <https://www.reuters.com/world/middle-east/israel-fires-artillery-into-gaza-amid-persistent-palestinian-rocket-attacks-2021-05-13/> (accessed: 01.09.2021).

базы были бы защищены от всех запущенных в тот день по ним ракет⁴⁰. Ограниченный потенциал ПРО ТВД даже против небольшой по масштабам иранской ракетной атаки еще раз ставит под вопрос роль подобных противоракетных комплексов в региональном сдерживании.

* * *

В статье рассмотрены основные тезисы и доводы американских экспертов, участвующих в обсуждении роли ПРО ТВД в региональном сдерживании Северной Кореи и Ирана. Администрация Дж. Байдена уже высказалась в поддержку большинства положений о важности региональной ПРО в таком сдерживании. Эти положения были сформулированы еще в Обзоре ПРО-2019, составленном при администрации Д. Трампа. При том что, в отличие от начавшихся в 2018 г. обсуждений роли ПРО ТВД в региональном сдерживании России и Китая, аналогичные планы в отношении Северной Кореи и Ирана обсуждаются с конца 1990-х годов, проведенное исследование позволило выявить целый ряд «узких мест», логических нестыковок и противоречий во взглядах как сторонников, так и критиков подобного использования систем ПРО.

Критики говорят о дестабилизирующей роли ПРО ТВД как дополнительном обстоятельстве, мотивирующем Пхеньян и Тегеран наращивать вооружения. Сторонники региональной ПРО рассматривают ее как фактор, который должен способствовать разрешению противоречий и лишить потенциальных агрессоров их основных инструментов. Некоторые аргументы и сторонников, и критиков региональной ПРО не доработаны с точки зрения теории и отличаются однобокостью. Лишь некоторые критики рассматривают сценарии, где ПРО ТВД могла бы сыграть стабилизирующую роль, а сторонники напрочь отказываются видеть в региональной ПРО фактор, каким-либо образом усиливающий напряженность. Американские эксперты до сих пор не провели подробного анализа возможных конкретных ситуаций сдерживания КНДР или Ирана и особенно моделирования их ответных действий на наращивание

⁴⁰ Dickstein C. CENTCOM general: US is moving air and missile defense weapons into Iraq // Stars and Stripes. 10.03.2020. Available at: https://www.stripes.com/theaters/middle_east/centcom-general-us-is-moving-air-and-missile-defense-weapons-into-iraq-1.621925 (accessed: 01.09.2021).

региональной ПРО вблизи их границ, в том числе на усиление интеграции американских систем с союзными.

При этом Северо-Восточная Азия и Ближний Восток имеют свои особенности в плане ракетных угроз и политической обстановки. Их соотношение с фактором ПРО также осталось почти не изучено экспертами. Наиболее значимые из этих особенностей — наличие небольшого ядерного арсенала у КНДР, политика активных упреждающих действий Израиля в регионе Ближнего Востока, а также такой ресурс Ирана, как негосударственные субъекты. Всё это необходимо учитывать при анализе потенциальных сценариев регионального сдерживания. Нет никаких гарантий, что дальнейшее развитие ситуаций вокруг КНДР и Ирана не приведет к напряженности в их регионах. Исходя из того, что одной из главных целей региональной ПРО, уже сформулированной администрацией Дж. Байдена, остается сдерживание Северной Кореи и Ирана, необходимо более подробно исследовать влияние ПРО ТВД на стабильность в соответствующих регионах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбатов А.Г. Грядет ли гонка без правил? (Ядерное сдерживание в отсутствие контроля над вооружениями) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 5. С. 24–35. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-24-35.
2. Баклицкий А. Возможности для трансформации механизмов контроля над вооружениями применительно к новым технологиям и видам вооружений // Индекс безопасности. 2021. № 2 (16). Доступ: <http://www.pircenter.org/media/content/files/14/16122108900.pdf> (дата обращения: 31.01.2022).
3. Дворкин В.З. Влияние систем ПРО на стратегическую стабильность и перспективы ядерного разоружения // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 8. С. 5–12. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-5-12.
4. Десять лет без Договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях / Под ред. С.М. Рогова. М.: ИСКРАН, 2012.
5. Есин В.И. Американская и российская системы противоракетной обороны и стратегическая стабильность // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 4. С. 3–41.
6. Есин В.И. Государственная политика США и России в области контроля над ядерными вооружениями: сотрудничество и противобор-

ство // Россия и Америка в XXI веке. 2015. № 3. Доступ: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=454> (дата обращения: 30.01.2022).

7. Есин В.И. Политика США в области противоракетной обороны и ее влияние на стратегическую стабильность // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 3. С. 85–114.

8. Золотарёв П.С. Ядерные аспекты военной политики и российско-американские отношения // Россия и Америка в XXI веке. 2019. № 1. Доступ: <https://rusus.jes.su/s207054760004694-0-1/> (дата обращения: 01.02.2022). DOI: 10.18254/S207054760004694-0.

9. Кокошин А.А. Стратегическое ядерное и неядерное сдерживание в обеспечении национальной безопасности России. М.: URSS, 2015.

10. Криволапов О.О. Дискуссии о роли американской ПРО театра военных действий в региональном сдерживании России и Китая // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. № 1. С. 58–84. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-1-58-84.

11. Криволапов О.О. Противоракетная оборона США: дискуссии и решения (2009–2019). М.: Весь мир, 2020.

12. Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2012.

13. Рогов С.М., Золотарев П.С., Есин В.И., Кузнецов В.С. О качественной трансформации российско-американских отношений в стратегической области. Рабочая тетрадь VII. Российский совет по международным делам. М., 2013.

14. Российско-американское сотрудничество и противоборство. Значение для национальной безопасности России / Под ред. акад. РАН С.М. Рогова. М.: Весь мир, 2017.

15. Aoki N. Seeing missile defense as U.S. hostility, North Korea aims at more and better weapons // Missile defense, extended deterrence, and nonproliferation in the 21st century. Center for International and Security Studies at Maryland, 2017. Available at: <https://cisssm.umd.edu/sites/default/files/2019-07/Paper%205%20-%20Seeing%20Missile%20Defense%20as%20U.S.%20Hostility%2C%20North%20Korea%20Aims%20at%20More%20and%20Better%20Weapons%20.pdf> (accessed: 01.02.2022).

16. Buzhinskiy E. U.S.-Russia arms control: Where we are and where we are going // Security Index. 2021. No. 3 (18). Available at: <http://pircenter.org/en/articles/2261-7494054> (accessed: 13.12.2021).

17. Cha V. Countering the North Korean threat: New steps in U.S. policy. Center for Strategic & International Studies, 2017.

18. Cordesman A. Iran and the changing military balance in the Gulf — Net assessment indicators. Center Strategic & International Studies, 2020.

19. Einhorn R., van Diepen V. Constraining Iran's missile capabilities. Brookings Institution, 2019.
20. Erasto T. Between the shield and the sword: NATO's overlooked missile defense dilemma. Ploughshares Fund, 2017.
21. Garwin R., Postol T. Technical refinements in design features of the airborne patrol against North Korean ICBMs. Report to members of Congress and their staffs with regard to the FY 2019 NDAA. MIT Science, Technology, and National Security Working Group, 2018.
22. Goodby J., Postol T. A new boost-phase missile defense system and its diplomatic uses in the North Korea dispute // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2018. Vol. 74. Iss. 4. P. 210–219. DOI: 10.1080/00963402.2018.1486578.
23. Mazarr M. et al. What deters and why. Exploring requirements for effective deterrence of interstate aggression. RAND Corporation, 2018.
24. Panda A. Missile defense strategy, policies, and programs in Review of the Defense Authorization Request. Carnegie Endowment for International Peace, 2021.
25. Phillips J. U.S. should boost deterrence against Iran. The Heritage Foundation, 2019.
26. Roberts B. Strategic dead end or game changer? // *Regional missile defense from a global perspective* / Ed. by C.M. Kelleher, P. Dombrowski. Stanford: Stanford University Press, 2015. P. 241–263.
27. Shaikh S. Iranian missiles in Iraq. Center for Strategic & International Studies, 2019.
28. Stefanovich D. Broadening the scope of arms control: New strategic systems, 'non-strategic' arsenals, conventional long-range precision strike, hypersonic missiles, missile defense, and space capabilities // *Security Index*. 2021. No. 3 (18). Available at: <http://pircenter.org/en/articles/2262-1016895> (accessed: 13.12.2021).
29. Vinson M., Caldwell J. Violent nonstate actors with missile technologies: Threats beyond the battlefield // *Joint Forces Quarterly*. 2016. No. 1 (80). P. 116–123.
30. Williams I., Shaikh S. The missile war in Yemen. Center for Strategic & International Studies, 2020.

REFERENCES

1. Arbatov A.G. 2019. Gryadet li gonka bez pravil (Yadernoe sderzhivanie v otsutstvie kontrolya nad vooruzheniyami) [Facing race with no rules? (Nuclear deterrence without arms control)]. *World Economy and International Relations*, no. 5, pp. 24–35. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-24-35. (In Russ.)
2. Baklitsky A. 2021. Vozmozhnosti dlya transformatsii mekhanizmov kontrolya nad vooruzheniyami primenitelno k novym tekhnologiyam i vidam

vooruzhenii [Opportunities for transformation of arms control mechanisms regarding new technologies and weapons]. *Security Index*, no. 2 (16). Available at: <http://www.pircenter.org/media/content/files/14/16122108900.pdf> (accessed: 31.01.2022). (In Russ.)

3. Dvorkin V.Z. 2019. Vliyanie system PRO na strategicheskuyu stabilnost' i perspektivy yadernogo razoruzheniya [Impact of missile defense systems on strategic stability and prospects for nuclear disarmament]. *World Economy and International Relations*, no. 8, pp. 5–12. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-5-12. (In Russ.)

4. Rogov S.M. (ed.). 2012. *Desyat' let bez Dogovora po PRO. Problema protivoraketnoi oborony v rossiisko-amerikanskikh otnosheniyakh* [Ten years without ABM Treaty. Missile defense problem in Russia-U.S. relations]. Moscow, ISKRAN Publ. (In Russ.)

5. Esin V. 2017. Amerikanskaya i rossiiskaya sistemy protivoraketnoi oborony i strategicheskaya stabilnost' [The U.S. and Russian missile defense systems and strategic stability]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, no. 4, pp. 3–41. (In Russ.)

6. Esin V. 2015a. Gosudarstvennaya politika SShA i Rossii v oblasti kontrolya nad vooruzheniyami: sotrudnichestvo i protivoborstvo [USA and Russia state policy on nuclear arms control: Cooperation and confrontation]. *Russia and America in the 21th century*, iss. 3. Available at: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=454> (accessed: 30.01.2022). (In Russ.)

7. Esin V. 2015b. Politika SShA v oblasti protivoraketnoi oborony i ee vliyanie na strategicheskuyu stabilnost' [U.S. missile defense policy and its impact on strategic stability]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, no. 3, pp. 85–114. (In Russ.)

8. Zolotarev P. 2019. Yadernye aspekty voennoi politiki i rossiisko-amerikanskije otnosheniya [Nuclear aspects of military policy and Russian-American relations]. *Russia and America in the 21th century*, iss. 1. DOI: 10.18254/S207054760004694-0. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760004694-0-1/> (accessed: 01.02.2022). (In Russ.)

9. Kokoshin A. 2015. *Strategicheskoe yadernoe i neyadernoe sderzhivanie v obespechenii natsionalnoi bezopasnosti Rossii* [Strategic nuclear and conventional deterrence in ensuring the national security of Russia]. Moscow, URSS Publ. (In Russ.)

10. Krivolapov O. 2020. *Protivoraketnaya oborona SShA: diskussii i resheniya (2009–2019)* [Missile defense of the United States: Discussions and decisions (2009–2019)]. Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)

11. Krivolapov O.O. 2021. Diskussii o roli amerikanskoi PRO teatra voennykh deistvii v regionalnom sderzhivanii Rossii i Kitaya [Debates on the role of the US theater missile defense in regional deterrence of Russia and China]. *Moscow*

University Bulletin of World Politics, no. 1, pp. 58–84. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-1-58-84. (In Russ.)

12. Arbatov A.G., Dvorkin V.Z. (eds.). 2012. *Protivoraketnaya oborona: protivostoyanie ili sotrudnichestvo* [Missile defense: Confrontation or cooperation]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

13. Rogov S.M., Zolotarev P.S., Esin V.I., Kuznetsov V.S. 2013. *O kachestvennoy transformatsii rossiisko-amerikanskikh otnoshenii v strategicheskoi oblasti* [On qualitative transformation of Russia-U.S. relations on strategic issues]. Russian International Affairs Council. Moscow. (In Russ.)

14. Rogov S.M. (ed.) 2017. *Rossiisko-amerikanskoe sotrudnichestvo i protivoborstvo. Znachenie dlya natsionalnoi bezopasnosti Rossii* [Russia and American confrontation and cooperation. The consequences for Russia's national security]. Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)

15. Aoki N. 2017. Seeing missile defense as U.S. hostility, North Korea aims at more and better weapons. *Missile defense, extended deterrence, and nonproliferation in the 21st century*. Center for International and Security Studies at Maryland. Available at: <https://cissm.umd.edu/sites/default/files/2019-07/Paper%205%20-%20Seeing%20Missile%20Defense%20as%20U.S.%20Hostility%2C%20North%20Korea%20Aims%20at%20More%20and%20Better%20Weapons%20.pdf> (accessed: 01.02.2022).

16. Buzhinskiy E. 2021. U.S.-Russia arms control: Where we are and where we are going. *Security Index*, no. 3 (18). Available at: <http://pircenter.org/en/articles/2261-7494054> (accessed: 13.12.2021).

17. Cha V. 2017. *Countering the North Korean threat: New steps in U.S. policy*. Center for Strategic & International Studies.

18. Cordesman A. 2020. *Iran and the changing military balance in the Gulf — Net assessment indicators*. Center Strategic & International Studies.

19. Einhorn R., Van Diepen V. 2019. *Constraining Iran's missile capabilities*. Brookings Institution.

20. Erasto T. 2017. *Between the shield and the sword: NATO's overlooked missile defense dilemma*. Ploughshares Fund.

21. Garwin R., Postol T. 2018. *Technical refinements in design features of the airborne patrol against North Korean ICBMs*. Report to members of Congress and their staffs with regard to the FY 2019 NDAA. MIT Science, Technology, and National Security Working Group.

22. Goodby J., Postol T. 2018. A new boost-phase missile defense system and its diplomatic uses in the North Korea dispute. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 74, iss. 4, pp. 210–219. DOI: 10.1080/00963402.2018.1486578.

23. Mazarr M. et al. 2018. *What deters and why. Exploring requirements for effective deterrence of interstate aggression*. RAND Corporation.

24. Panda A. 2021. *Missile defense strategy, policies, and programs in Review of the Defense Authorization Request*. Carnegie Endowment for International Peace.

25. Phillips J. 2019. *U.S. should boost deterrence against Iran*. The Heritage Foundation.

26. Roberts B. 2015. Strategic dead end or game changer? In: Kelleher C.M., Dombrowski P. (eds.). *Regional missile defense from a global perspective*. Stanford, Stanford University Press, pp. 241–263.

27. Shaikh S. 2019. *Iranian missiles in Iraq*. Center for Strategic & International Studies.

28. Stefanovich D. 2021. Broadening the scope of arms control: New strategic systems, ‘non-strategic’ arsenals, conventional long-range precision strike, hypersonic missiles, missile defense, and space capabilities. *Security Index*, no. 3 (18). Available at: <http://pircenter.org/en/articles/2262-1016895> (accessed: 13.12.2021).

29. Vinson M., Caldwell J. 2016. Violent nonstate actors with missile technologies: Threats beyond the battlefield. *Joint Forces Quarterly*, no. 1 (80), pp. 116–123.

30. Williams I., Shaikh S. 2020. *The missile war in Yemen*. Center for Strategic & International Studies.

Статья поступила в редакцию 06.07.2021;
одобрена после рецензирования 16.12.2021;
принята к публикации 11.01.2022

The article was submitted 06.07.2021;
approved after reviewing 16.12.2021;
accepted for publication 11.01.2022